

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378:1
DOI 10.20339/AM.07-25.011

С.В. Костюкевич,
канд. социол. наук,
Институт социологии
Национальной академии наук Республики Беларусь
e-mail: svkostos@yahoo.com

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. ЧАСТЬ 2¹

В статье на базе исторических исследований анализируется средневековый университет как новая организационная форма, объединяющая античную либеральную школу и средневековую ремесленную гильдию. На основе социологического анализа показано, какие социальные процессы запустила античная либеральная школа, продукт древнегреческой аристократической культуры (в частности, социальную стратификацию по уровню образования и интеллектуализацию общества), а какие — средневековый университет как новая организационная форма (в частности, процесс демократизации образования и социальную мобильность). Обосновывается в рамках историко-социологического анализа институциональная миссия следующих институтов образования: античной либеральной школы, средневекового университета и современных университетов, использующих либеральную, исследовательскую и сервисную модели.

Ключевые слова: античная либеральная школа как продукт древнегреческой аристократической культуры, средневековый университет как объединение античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии, институциональная миссия либеральной, исследовательской и сервисной моделей университетского образования.

UNIVERSITY EDUCATION AS AN OBJECT OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS. PART 2¹

S.V. Kostyukevich, Cand. Sc. (Sociology), Leading researcher at National Academy of Sciences of Republic of Belarus, e-mail: svkostos@yahoo.com

The article, based on historical studies, analyzes the medieval university as a new organizational form that unites the ancient liberal school and the medieval craft guild. It is shown, on the basis of sociological analysis, which social processes were launched by the ancient liberal school as a product of the ancient Greek aristocratic culture, and which by the medieval university as a new organizational form that unites an ancient liberal school and a medieval craft guild. In particular, the ancient liberal school launched, first, a social stratification by level of education and, second, an intellectualization of society, and the medieval university launched the process of democratization of education as well as a social mobility. The institutional mission of the following educational institutions is substantiated within the framework of historical and sociological analysis: the ancient liberal school, the medieval university and modern universities using liberal, research and service models.

Keywords: the ancient liberal school as a product of the ancient Greek aristocratic culture, the medieval university as a union of the ancient liberal school and the medieval craft guild, the institutional mission of the liberal, research and service models of university education

¹ См. Костюкевич С.В. Университетское образование как объект историко-социологического анализа. Часть 1 // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 5. С. 10–18. DOI: 10.20339/AM.05-25.010.
See: Kostyukevich, S.V. University education as an object of historical and sociological analysis. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2025. No. 5. Pp. 10–18. DOI: 10.20339/AM.05-25.010.

Европейский средневековый университет как новая организационная форма:

доминирование идеологии либерального образования

Как учебное заведение средневековый университет наследовал образовательные традиции античного, греко-римского мира, и это выражалось в том, что в средневековых университетах была возрождена идея обучения либеральным искусствам и наукам. Возрождение данной идеи означало, что средневековые университеты унаследовали институциональную миссию античной либеральной школы², а именно подготовку образованной элиты для занятия сложным умственным трудом — политикой и наукой³.

Как гильдия средневековый университет обучал ремеслу врача, юриста и теолога. Можно сказать, что средневековый университет готовил для занятия политикой, наукой, для преподавания⁴, занятия ремеслом врача, юриста и теолога, т.е. представлял собой место, где обучалась элита и представители народа.

Некоторые авторы обращают внимание только на то, что в средневековом университете занимались наукой и подготовкой специалистов:

Исторически университеты возникли в эпоху Средневековья как сообщества ученых, с одной стороны, и для подготовки специалистов в области теологии, юриспруденции и медицины — с другой. Искусства и то, что относилось к области, называемой сегодня естественными науками (традиционные семь искусств — грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия), рассматривались как пропедевтика к теологии, юриспруденции и медицине. Изучение семи искусств составляло начальный период обучения, после которого можно было получить патент на преподавательскую деятельность и на этом закончить обучение. Однако основная задача университета понималась как подготовка специалистов более высокой ступени — тех, кто сможет получить степень доктора в одной из упомянутых выше областей. Другая особенность университетов при их зарождении состояла в том, что профессора читали лекции по учебникам, а не по результатам собственных исследований. Говоря современным языком, существовал разрыв между исследовательской и преподавательской деятельностью [3. С. 135].

Впоследствии данный разрыв был преодолен: *в начале XIX в. была создана новая модель университетского обра-*

зования, где преподавание и исследование были неразрывно связаны, — это исследовательский университет, ставший институцией Науки, тогда как средневековый университет был институцией Церкви.

Исследовательский университет фон Гумбольдта

Созданный в 1810 г. Берлинский университет В. фон Гумбольдта стал моделью исследовательского университета — в нем и преподаватели, и студенты занимались научно-исследовательской работой. В исследовательском университете занятие научными исследованиями стало обязательным элементом университетской подготовки. Еще одно отличие исследовательского университета — в отличие от либеральной модели, в исследовательской модели не ставится самостоятельная цель развить интеллект студента, а ставится цель научить его делать научные открытия (таким образом, развитие интеллекта студента происходит в ходе его включенности в научно-исследовательскую работу, т.е. является следствием его занятия наукой). Тогда как в либеральном университете заявляется самостоятельная цель: развитие и воспитание интеллекта.

Исследовательский университет стали связывать с обучением научному знанию, тогда как в церковный период либеральный университет врачей, юристов и теологов считался местом, где обучали универсальному знанию (т.е. всем интеллектуальным искусствам и наукам, имеющимся в тот период).

С середины XIX в. научная деятельность становится мерой качества университета. Сегодня научная деятельность в университете стала одним из главных показателей в университетских рейтингах. Есть основание считать, что в современном мире, в отличие от средневекового, доминирует уже не либеральная, а исследовательская модель.

Если учесть, что унаследованные от античного, греко-римского мира свободные искусства и науки предназначались для подготовки к занятию политикой и наукой, то можно расширить предложенное цитируемым выше автором представление о средневековом университете — он был не только сообществом ученых и местом подготовки специалистов, но и местом подготовки образованной элиты.

Объединение античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии в структуре средневекового университета означало попытку преодоления в христианском мире главных недостатков греко-римской аристократической культуры: разрыва умственного и физического труда и разрыва теории и практики в научном исследо-

² Можно предполагать, что после падения Рима римские аристократы, ставшие христианами и иерархами, сохранили и продолжили античную традицию образованности элиты как атрибута ее образа жизни. Вот почему неудивительно, что католическая церковь в Европе активно участвовала в создании университетов и использовала их для подготовки грамотных и образованных священников (которые стали новой статусной группой элиты). Длительное время университеты в Европе фактически были институцией церкви, поддерживающей либеральную модель образования для обучения и воспитания интеллекта. Так, например, Дж. Ньюмен (1801–1890), католический кардинал и автор всемирно известной книги о либеральном образовании «Идея университета», описывает университет как место, где *обучают универсальному знанию и воспитывают интеллект* [24. С. 11]. Дж. Ньюмен считает, что без интеллектуального воспитания «люди могут, сами того не замечая, спокойно высказать друг за другом *прямо противоположные суждения*», они не могут понять сути сложных предметов, легко манипулируемы [Там же. С. 16]. Кардинал Ньюмен признает, что либеральное образование было унаследовано католической церковью из античного прошлого, но он не воспринимает это негативно: «Я не считаю, что, обращаясь таким способом к древним, я отбрасываю мир на две тысячи лет вспять и заковываю философию в цепи языческого образа мышления» [Там же. С. 104].

³ Из списка аристократических занятий исчезла война, поскольку новая элита (церковная), в отличие от античной воинской аристократии, войной не занималась, а значит, ей не нужна была физическая подготовка.

⁴ Обучение на факультете свободных искусств и наук позволяло человеку грамотному и образованному заниматься преподавательской работой — так профессио-нализировалась профессия педагога [25].

ваний⁵. Как попытка преодоления разрыва умственного и физического труда средневековый европейский университет провел демократизацию образования, соединив в одном учебном заведении подготовку образованной элиты (в данном случае церковной) и обучение представителей народа (в данном случае состоятельных горожан, которые учились ремеслу врача и юриста).

Подобная демократизация могла бы соединить сферу культуры и сферу ремесла (интеллектуалов и ремесленников), но она оказалась неудачной, поскольку объединение общей и специальной подготовки в средневековом университете *оказалось сугубо формальным* — в действительности в европейском средневековом университете *доминировала идеология либерального образования как продукта аристократической культуры*, т.е. разрыв между умственным и физическим (ручным) трудом сохранялся. Это проявлялось, например, в том, что физическим трудом пренебрегали и новая элита (священники, которым запрещалось оперировать, т.к. это работа руками), и горожане-врачи, которые также не работали руками — вот почему до позднего Средневековья операции делал цирюльник (парикмахер).

В средневековом университете сохранялся также разрыв теории и практики в научных исследованиях вплоть до создания экспериментальной науки — феномена, которого не было в греко-римском мире. Однако средневековые ученые проводили некоторые опытные эксперименты, например, по анатомии человека и животных⁶.

О доминировании духа либерального образования свидетельствует и тот факт, что в средневековом университете не поняли и не поддержали *появившийся случайным образом новый феномен — интеллектуальную профессию как симбиоз общего (интеллектуального) и профессионального образования* [26]. Этот феномен был результатом проведенной демократизации, но оказался невостребованным, поскольку ничего подобного в античном прошлом не было и это не соответствовало идеологии либерального образова-

ния, которая обосновывала только две задачи: подготовку образованной элиты и проведение научных исследований.

Переплетение в средневековом университете нескольких задач: подготовки образованной элиты, проведения научных исследований и обучения ремеслу для рынка труда, т.е. переплетение общих (универсальных), научных и специальных (профессиональных) знаний *следует признать скорее формальным, чем неким успешным синтезом. По сути, в средневековом университете воспроизвелась только институциональная миссия античной либеральной школы — подготовка образованной элиты*. В конечном итоге институциональная миссия либеральной модели образования в средневековом университете была законсервирована именно на этом, поскольку после изобретения исследовательской модели институциональная миссия развития наук и подготовки ученых перешла к исследовательскому университету.

С этого момента университетское образование в Европе было представлено двумя моделями: либеральной и исследовательской. Институциональная миссия первой — подготовка образованной социальной элиты (церковной и светской) для политического и идеологического управления обществом. Институциональная миссия второй — развитие наук и подготовка научно-технической элиты для развития научно-технического прогресса. В отличие от античного и средневекового прошлого, где можно выделить две статусные группы элиты: воинскую (светскую аристократию) и жреческую (теократию), в Новое время в истории Европы технические и естественные науки способствовали появлению еще одной статусной группы элиты: технократии, представленной, прежде всего, учеными и инженерами.

О том, что интеллектуальная профессия могла бы стать успешным синтезом сферы культуры и сферы ремесла, свидетельствуют средневековые знаменитости, которые выступают как представители интеллектуальной профессии (соединение в одном лице интеллектуала и профессинала), — это Франсуа Рабле⁷ и Парацельс⁸, которые были

⁵ Разрыв теории и практики в научном исследовании, который греки оставили Европе в наследство, был ликвидирован в европейской науке в эпоху Галилея и Ньютона — была изобретена экспериментальная наука, связавшая вместе теорию и практику (эксперимент).

⁶ В средневековом университете поощрялись некоторые научные эксперименты. Вот что пишет о средневековой науке М. Вебер в работе «Наука как призвание и профессия»: «...в эпоху возникновения точного естествознания от науки ожидали еще большего. Если вы вспомните высказывание Сваммердама: "Я докажу вам существование божественного провидения, анатомируя вошь", то вы увидите, что *собственной задачей научной деятельности*, находившейся под косвенным влиянием протестантизма и пуританства, считали *открытие пути к Богу*. В то время его больше не находили у философов с их понятиями и дедукциями; что Бога невозможно найти на том пути, на котором его искало Средневековье, — в этом была убеждена вся пиетистская теология того времени, и прежде всего Шпенер. Бог сокрыт, его пути — не наши пути, его мысли — не наши мысли. Но в точных естественных науках, где творения Бога физически осязаемы, были надежды *напасть на след его намерений относительно мира*» [13. С. 717].

⁷ Франсуа Рабле (1494–1553), французский писатель, врач, богослов, священник был студентом медицинского факультета университета в Монпелье, получил там степень бакалавра, а затем доктора медицины.

⁸ Парацельс (Геофраст фон Хохенхайм, 1493–1541), швейцарский врач, ученый-естествоиспытатель, алхимик, способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Родился в семье врача, где получил хорошее образование в области медицины. Учился затем в Базельском университете, в университете итальянского города Феррара, где получил степень доктора медицины. «В Базельском университете он читал курс медицины на немецком языке, что было вызовом всей университетской традиции, обязывавшей преподавать только на латыни. Его лекции, в отличие от выступлений коллег, не были простым повторением мнений Галена, Гиппократы и Авиценны, *изложение которых являлось единственным занятием профессоров медицины того времени. Его учение было действительно его собственным*, и он преподавал его невзирая на чужие мнения, заслуживая этим аплодисменты студентов и ужасая своих ортодоксальных коллег тем, что нарушал установленный обычай учить только тому, что можно надёжно подкрепить устоявшимися, общепринятыми свидетельствами, независимо от того, было ли это совместимо с разумом и истиной» [27]. *Парацельс, живший и преподававший в середине XVI в., предвосхитил исследовательскую модель, которая будет создана В. фон Гумбольдтом и его единомышленниками в начале XIX в.* В исследовательской модели был заложен принцип единства исследования и обучения, тогда как в либеральной модели «...профессора читали лекции по учебникам, а не по результатам собственных исследований» [3. С. 135].

не только врачами, но и интеллектуалами, что позволило им проявить себя и в исследованиях в рамках профессии (оба были докторами медицины), а также за ее пределами: Рабле был знаменитым писателем, Парацельс — знаменитым ученым.

Итак, как соединение (следует признать, формальное) античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии средневековый университет обеспечивал: 1) подготовку образованной элиты (поскольку подобное было в греко-римском мире); 2) развитие науки (поскольку это тоже было в греко-римском мире), но не обеспечивал обучение; 3) интеллектуальной профессии (потому что *этого не было в Античности, где интеллектуальное и профессиональное образование были разделены*). Соответственно, интеллектуалы-профессионалы типа Парацельса и Рабле появлялись вопреки системе.

Рабле и Парацельс были немногими исключениями, потому что интеллектуальная профессия не имела поддержки не только в социальной элите, но и в самом народе, который не включает в свой ценностный этос такие вещи, как общее образование, теоретическая наука и личное творчество⁹. Народ ценит то, что имеет практическую пользу, и не склонен к идеальной мотивации. *Дух народа — это дух практической пользы.*

Проблема объединения мира ремесла и культуры актуальна до сих пор. Однако кое-что уже сделано: современный ремесленник (специалист с компетенциями) учится уже в учебном заведении (а не на рабочем месте), он получает некоторое научное образование (т.к. многие современные технологии — это научные технологии). Но в его сознании, в его мире, как и в мире его древних предшественников, ни общее образование, ни теоретическая наука, ни личное творчество не стали ценностью. Вот почему, не приняв во внимание ценности и не поменяв сознание ремесленника, а просто сделав университеты массовым продуктом в середине XX в., политики не добились того, чтобы образованность по-настоящему стала человеческим капиталом.

Итак, проведя демократизацию образования, средневековый университет тем не менее не соединил идею образованности как атрибута образа жизни и идею образованности как атрибута трудовой деятельности.

Это произошло значительно позже.

- ◆ В конце XVIII в. во Франции с появлением светского национального государства, когда возникла потребность в образованной бюрократии для государственного управления, появилось осознание того, что профессионалы должны получать интеллектуальное и научное образование, — итогом стало создание так называемых

французских Больших школ (их можно назвать высшими профессиональными учебными заведениями).

- ◆ В середине XX в. появилась идея, что образованность может быть не только атрибутом образа жизни, но и атрибутом человека как субъекта труда (т.е. образованность можно рассматривать как атрибут трудовой деятельности). Эта идея могла бы способствовать развитию интеллектуальной профессии в современном мире, но она была заглушена в концепте «человеческого капитала» другой идеей — идеей доходности образования.
- ◆ Однако развитию интеллектуальной профессии мешает позиция современной элиты, которая продолжает рассматривать интеллектуальное образование только как часть образа жизни и в отрыве от профессиональной подготовки. Между тем, в современном, очень наукоемком и высокопрофессионализированном мире социальной элите нужно быть не только интеллектуальной, но и профессиональной.

Идея доходности образования как человеческого капитала подтолкнула к значительным инвестициям в сферу высшего образования, которая была существенно расширена. Соответственно, от массовой сферы высшего образования ожидали роста богатства в обществе и роста экономики. Эта идея все еще популярна. В 2004 г. известный советский и российский философ В.М. Межуев (1933–2019) написал: «Уже сегодня становится ясно, что образование выдвигается на одно из первых мест в качестве источника дохода. Мы все кричим о мелком, среднем предпринимательстве. Это всё замечательно, но большую часть современного развитого общества занимают не предприниматели, даже не частные собственники, а люди, живущие за счет полученного образования — того культурного капитала, который они получили в ходе этого образования. На этом построена вся теория нового среднего класса. Это не просто мелкие лавочники или владельцы каких-то предприятий, это люди, которые живут за счет того образования, которое они получили и имеют» [28. С. 29]. Несмотря на то, что популярность идеи доходности образования сохраняется, сокращение доли среднего класса в США и некоторых других странах может свидетельствовать о разочаровании правящих элит в этой идее.

В середине XX в. идея доходности образования запустила процессы массовизации и профессионализации сектора высшего образования вначале в западных странах, а затем к ним присоединились и другие страны.

⁹ Ни один древний народ Средиземноморья не объединил мир ремесла и культуры. Этого не сделали даже греки и римляне, хотя они значительно расширили мир культуры и в их мире учебное заведение, научное образование и личное творчество *стали уже ценностью*.

Обучение интеллектуальной профессии до сих пор не получило оформления в собственной модели, хотя отчасти оно реализуется во французских Больших школах (где поддерживается идея профессионального обучения, базирующегося на научных знаниях) и в сервисной модели, созданной в середине XX в. и концептуально оформленной в теории человеческого капитала, которая опирается на идею доходности образования и на идею ценности образования как атрибута трудовой деятельности. Препятствует широкому осознанию ценности интеллектуальной профессии тот факт, что в сознании современных ремесленников (специалистов с компетенциями) существует сомнение в ценности универсального (общего) знания и научного (теоретического) знания.

Вывод. Из-за доминирования идеологии либерального образования профессиональное образование в средневековом университете не получило развития и, следовательно, не привело к поддержке феномена интеллектуальной профессии. Более того, влияние идеологии либерального образования как продукта древнегреческой аристократической культуры сказалось не только на невозможности объединения интеллектуального и профессионального образования в единое целое (например, в интеллектуальной профессии), но и на самом процессе профессиональной подготовки юристов и врачей – их практическое обучение было слабым (фиксируя разрыв теории и практики, заложенный в идеологии либерального образования). К тому же университетски-дипломированные врачи не работали физически (руками), фиксируя тем самым еще одну характеристику либерального образования – разрыв умственного и физического труда.

Логика развития университетского образования: влияние духа древнегреческой аристократической культуры

Желая сохранить начатую в греко-римском мире стратификацию общества на элиту и народ, *светская европейская аристократия* не посещала демократизированный средневековый университет и тем самым оказывалась за пределами грамотности и образованности. Лишь спустя несколько веков после появления первых университетов светская европейская знать пошла учиться в университеты и прежде всего праву, осознав важность правовых знаний для занятия политикой, – и это сделало университет элитарным учебным заведением. Благодаря этому повороту светская средневековая аристократия вернулась к образу жизни своих античных предшественников, у которых образованность была атрибутом образа жизни и одной из ключевых характеристик, отделяющих их от народа.

В качестве элитарного учебного заведения европейский университет продолжил свое существование до середины XX в. Торстен Хюсен (1916–2009), известный шведский педагог и психолог, пишет: «До середины XX века европейский университет оставался элитарным учебным заведением, охватывавшим, как правило, 2–4% соответствующей возрастной группы... В период 1950–1975 гг. численность студентов в университетах во многих европейских странах, США и некоторых развивающихся странах резко возросла. *Университеты из элитарных превратились в массовые учебные заведения...* Водоразделом между элитарной и массовой системой он (Мартин Трой) считает показатель охвата в 15% соответствующей возрастной группы» [29. С. 25].

В немногочисленных элитарных классических университетах доминировало *традиционное представление о том, что классическое университетское образование – это воспитание интеллектуала с широкой гуманитарной эрудицией, кругозором и развитым интеллектом, а не подготовка специалиста для занятия позиции на рынке труда, т.е. в классических университетах не рассматривали профессиональное образование как главное дело – оно было второстепенным продуктом.*

Сделав университет массовым, одновременно сделали профессиональную подготовку в нем главным делом. В 1992 г. известный аналитик высшего образования, американский ученый в области наук об образовании, Филип Дж. Альтбах (1941) написал о профессионализации университетов следующее: «Важной тенденцией в развитии высшего образования на протяжении двух последних десятилетий является его профессионализация. Повсюду в мире первой задачей учебных программ в университетах признается обеспечение надлежащей подготовки по различным, всё более усложняющимся специальностям. *Традиционное представление о том, что высшие учебные заведения должны давать гуманитарное, не ориентированное на ту или иную профессию, образование для элиты и строить свою деятельность на основе широких и неспециализированных учебных планов и программ, подвергается резкой критике как “не соответствующее” потребностям современных студентов. Последние, обеспокоенные нехваткой хорошо оплачиваемых рабочих мест, настаивают на более узкой специализации учебного процесса. Работодатели также требуют большего соответствия учебных программ своим нуждам...*» [30. С. 48]. Т. Хюсен сформулировал процесс профессионализации университетов следующим образом: «Практика вошла в сферу безраздельного господства теории» [29. С. 25].

Несмотря на включение профессиональной подготовки в структуру средневекового университета, последующая логика развития университетского образования в Европе

определялась духом древнегреческой аристократической культуры – отсюда в классическом элитарном университете отношение к профессиональному образованию как к второстепенному продукту и существование разрыва между классическим университетским и профессионально-техническим образованием.

Запущенные тренды профессионализации классических университетов и массовизации сектора высшего образования *разрушили традицию параллельного существования университетского и профессионально-технического образования в европейских странах и США*. В результате разрушения данной традиции *в середине XX в. университетское и профессионально-техническое образование наконец-то были уравнены в статусе и престиже* – многие политехнические и педагогические колледжи/институты получили статус университета и вошли в сектор высшего образования (куда прежде входили только классические университеты), а многие классические университеты были профессионализированы. Было создано также много новых университетов (их называют прикладными) в процессе массовизации сектора высшего образования.

Массовизация сектора высшего образования, профессионализация классических университетов и замощение разрыва между университетским и профессионально-техническим образованием изменили социальную роль университета: *он становится институцией экономики и работодателей*, тогда как в своем классическом варианте университет в средневековый период был институцией Церкви и в Новое время стал институцией Науки.

- ◆ Как институция Церкви университет практиковал либеральную модель.
- ◆ Как институция Науки – исследовательскую.
- ◆ Появление массового и профессионализованного университета как институции Экономики означало появление *новой университетской модели – сервисной*¹⁰.

Известный голландский ученый-педагог и управленец Ханс де Вит (1950) указывает, что *в качестве институции экономики и сферы влияния работодателей и бизнеса университет связали со «знаниевой экономикой», «глобальными рейтингами», «глобализацией», «интернационализацией», «ускорением IT-революции» и «конкурентностью»* [31].

Изменение социальной роли университета означало также демократизацию университетов – они стали доступны широким слоям населения. В 2004 г. В.М. Межуев написал: «...сегодня право на образование становится более важным, чем право на собственность. Это видно по всем

социал-демократическим движениям современного Запада. Если еще в XIX – первой половине XX века людей разделяло отношение к собственности (поэтому мы придавали такое значение классовому делению), то в современном развитом обществе именно *право на образование становится главным правом*» [28. С. 29].

Итак, реформы середины XX в. продолжили демократизацию университетского образования – университет сделали массовым продуктом, в котором обучение профессии признали главным делом, вследствие этого университетским выпускником стал специалист с компетенциями. Всё это означает, что в результате второй демократизации в университете наконец победил дух ремесленника¹¹, а не аристократа. Тогда как средневековая демократизация, наоборот, способствовала тому, чтобы в средневековом университете в конечном итоге доминировал дух древнегреческой аристократии. Впустив профессиональное образование в университет, но подчинив его идеологии либерального образования, средневековая демократизация допустила принижение профессионального обучения и отведение ему второстепенной роли, – что и было унаследовано классическим университетским образованием и продолжалось до середины XX в.

Принижение профессионального образования началось еще в античном, греко-римском мире. Это было связано с тем, что в рамках древнегреческой аристократической культуры сформировалось высокомерное, пренебрежительное отношение к ремесленному труду. В свою очередь, это отношение было детерминировано разрывом умственного и физического труда в древнегреческом обществе, в результате которого интеллектуальный труд и творчество стали прерогативой и привилегией социальной элиты, а ремесленный труд – уделом народа.

Из-за разрыва физического и умственного труда, развившегося в высокомерном отношении к ремесленному труду со стороны элиты, водораздел древнегреческого общества проходил по линии «интеллектуалы – ремесленники», поскольку интеллектуальным трудом и творчеством ремесленники не занимались. Исключением были те немногочисленные ремесленники, которые занимались «технэ», т.е. творчеством и исследованием в рамках своего ремесла. Например, таковым был знаменитый древнегреческий скульптор Фидий. Он, без сомнения, был интеллектуалом, но поскольку Фидий работал физически (делал скульптуры руками) и при этом работал за плату (получал вознаграждение

¹⁰ Институциональная миссия сервисной модели – подготовка специалистов с компетенциями для обслуживания рынка труда и поддержания экономического развития и роста.

¹¹ Дух ремесленника – это дух практической пользы. Отсюда у современных студентов возникают сомнения в ценности универсального (общего) знания и научного (теоретического) знания, поскольку будущие специалисты с компетенциями не видят в них практической пользы.

дение за свой труд), то в древнегреческом обществе он считался ремесленником¹². Об этом пишет известный немецкий филолог-классик, историк Античности Герман Дильс (1848–1922), автор книги «Античная техника»: «...Античность, несмотря на то что именно в Афинах и Риме были созданы демократические формы правления, была насквозь аристократична. Даже такие выдающиеся мастера, как Фидий, расценивались как ремесленники» [цит. по: 14. С. 138]. И подобный антидемократизм имел место не потому, что интеллектуальное образование и интеллектуальный труд не ценились в Древней Греции, а потому, что они ценились только как часть образа жизни привилегированного слоя¹³, но не как часть трудовой деятельности человека¹⁴.

Отчетливое отношение к ремесленному (физическому) труду оформилось в среде древнегреческой социальной элиты после Платона. Т.е. *следует различать отношение к физическому труду у греков до Платона и после*, поскольку есть основание считать, что именно позиция Платона, аристократа по рождению, активного политика и великого философа, повлияла на появление резко отрицательной коннотации у одного из терминов, который одновременно обозначал и физический труд, и ремесленника. Как пишет известный швейцарский филолог-эллинист Андре Боннар (1888–1959), автор трехтомного труда «Греческая цивилизация»: «Со времени Платона слово *banausos*, означающее “ремесленник”, *принижается в своем значении и приобретает смысл “вульгарный” или “презренный”*, то есть все ремесленное, всякий ручной труд уродует душу и тело одновременно» [32. С. 57].

Ради справедливости следует сказать, что подобная позиция Платона обусловлена не чванством или какими-то другими низкими вещами: Платон – великий человек, и если он подобную позицию отстаивал, то за этим скрывался очень серьезный мотив. И есть основание считать, что таким мотивом была необходимость защиты идеалистической мотивации. Напомним, что древние греки первыми среди древних народов Средиземноморья стали культивировать

рационалистическую и идеалистическую культуру как высшую ценность. В этом и происхождение, и сущность их пайдеи (*paideia*). Следствием этого стало презрительное отношение к ремеслу, т.к. это был не только физический труд, но и труд за плату или вознаграждение. Поскольку человек, работающий за плату, заинтересован тратить время на получение большей прибыли, то в основе оплачиваемого труда лежит не идеальная, а корыстная мотивация¹⁵.

Заметим, что и в либеральной идеологии древнегреческих аристократов, и в сменившей ее христианской идеологии *присутствует попытка ввести в человеческую культуру идеальную мотивацию* и защитить ее.

Ценность идеальной мотивации в человеческой культуре получила обоснование и в античной философии (например, у Платона), и в христианской идеологии. В современном мире снижение идеальной мотивации в интеллектуальном труде и творчестве связано не только с тем фактом, что современный университетский выпускник (массовых университетов) – это в основном выходец из народа, который не может себе позволить трудиться ради идей, а должен зарабатывать себе на проживание, но и с тем фактом, что в современном мире победила капиталистическая идеология – деньги стали главной ценностью. В современном мире практический дух ремесленника соединился с капиталистическим духом наживы.

В рамках первой – античной, либеральной идеологии это выразилось в презрительном отношении к ремесленному труду (физическому оплачиваемому труду)¹⁶. В рамках второй – обращение христианских апостолов к людям ремесла, что им не следует обогащаться (а следует трудиться только для пропитания).

Поскольку техника в древнегреческом обществе была связана с ручным трудом, который представители социальной элиты презирали, то она стала уделом ремесленников. Герман Дильс, автор книги «Античная техника», пишет, что «... важной причиной презрения к технике... был “аристократический” настрой людей греко-римского мира... Античность, несмотря на то что именно в Афинах и Риме были созданы демократические формы правления, была насквозь

¹² В отличие от знаменитого Фидия, другой знаменитый грек, Архимед, избегал участи зваться ремесленником, несмотря на то что он занимался техническими изобретениями, – дело в том, что его технические изобретения, хотя и были связаны с ручным трудом, однако они не были для Архимеда работой за плату.

¹³ Именно интеллектуальный труд, которым ремесленники не занимались, служил оправданием тем, кто не зарабатывал себе на пропитание, а жил за счет труда других людей (древнегреческие аристократы были землевладельцами). Именно интеллектуальный труд как творчество свободного гражданина, который в Древней Греции, а затем и в Древнем Риме был прерогативой аристократов, обеспечивал им самоуважение и осознание своей высокой культурной миссии. Заметим, что занятие интеллектуальным творчеством как элемент их образа жизни делает честь античной аристократии, но при этом также следует заметить, что презрение древних аристократов к физическому труду сыграло не последнюю роль в гибели античного мира.

¹⁴ Как следствие, отсутствовала социальная мобильность благодаря уровню образования – ремесленники не могли войти в элиту, даже если становились интеллектуалами подобно Фидию.

¹⁵ Суть оплачиваемого труда хорошо продемонстрировал эксперимент с экономикой в Советском Союзе – несмотря на то, что советские идеологи эксплуатировали идеальную мотивацию, чтобы заставить советских людей трудиться эффективно, тем не менее советская экономика показала, что обычные люди, трудящиеся за плату, в своем большинстве не склонны к идеальной мотивации.

¹⁶ Ремесленники в античном мире – это люди ручного (физического) труда за плату, т.е. ремесленный труд – это ручной оплачиваемый труд. *Учителя, юристы и врачи, поскольку они получали плату за свой труд, также считались в греко-римском мире ремесленниками*. Вот что пишет Е.В. Федорова применительно к истории Рима: «Почти все городские рабы были грамотны, так как в Римском государстве вообще был очень высок процент грамотности, которая никогда не была привилегией правящего класса, более того, *учителя и врачи в основном были рабами*» [33. С. 13]. Уточним – к этому времени Рим уже разрушил Карфаген и завоевал Грецию. И рабами-учителями, и рабами-врачами в Риме были в основном греки. Итак, римские интеллектуалы, оставляя за собой поприще интеллектуальных искусств и наук, поприще интеллектуальных (ученых) ремесел оставляли за рабами, преимущественно греками. Впрочем, не только рабы занимались учеными ремеслами: в самой Греции, до завоевания ее Римом, *учеными ремеслами (т.е. умственным трудом за плату)* занимались и ремесленники – вспомним знаменитого скульптора Фидия.

аристократична» (цит. по: [14. С. 138]). Неудивительно, что впоследствии инженеров не пустили в средневековые университеты и что в Европе университетское и профессионально-техническое образование длительное время существовали параллельно.

Итак, пренебрежение физическим трудом (в то время это ручной труд ремесленника) и пренебрежение техникой разделяли мир древнегреческих аристократов и мир ремесленников. И наконец, поскольку ремесленный труд был ручной работой за плату, то презирался не только ручной труд, но и оплачиваемый труд (в том числе умственный труд за плату).

Несмотря на презрение социальной элиты греко-римского мира к ремесленному труду, существовала тенденция смягчать отношение к ученым ремеслам (умственному труду за плату), а именно к ремеслу врача и юриста, поскольку, хотя это был оплачиваемый труд, но в то же время это был умственный труд (который ценился в греко-римском мире). Смягчение отношения выражалось, например, в том, что в Риме было придумано отдельное слово для оплаты их труда — гонорар. Этим подчеркивался особый статус и особое положение в обществе этой категории ремесленников, *труд которых имел некоторую престижность*. Вот что пишет Е.В. Федорова (1927–2015), советский и российский антиковед: «С некоторым уважением античный мир относился лишь к труду свободного земледельца, поскольку это был труд на себя, а не на другого человека. Но *труд одного человека на другого, труд за плату считался, как правило, занятием недостойным и презренным*. Правда, античный мир не мог обходиться только рабским трудом и свободным трудом земледельца; труд юриста, например, не подходил ни под ту, ни под другую категорию, это был труд одного человека на другого за плату, но столь велико было у римлян презрение к *оплачиваемому труду*, что те суммы, которые получали юристы от частных лиц за выступления в суде, не носили названия *merces* (плата), а уклончиво именовались *honorarium* (почетное вознаграждение — отсюда происходит слово «гонорар»)» [33. С. 11]. Это объясняет, *почему в средневековые университеты включили профессиональное образование врачей и юристов — потому что несмотря на то, что это труд за плату, это был умственный труд, который ценился в греко-римском мире*.

Вывод. Итак, логика развития университетского образования определялась духом древнегреческой аристократической культуры: и ее недостатками, например, презрительным отношением к ручному труду и к оплачиваемому труду, и вследствие этого — *разрывом интеллектуального*

и профессионального образования и низким статусом профессионального образования, и ее достоинствами, например, культивированием идеальной мотивации в интеллектуальном труде и творчестве.

Общеизвестно, что не только в древнегреческом, но и в других древних сообществах социальная элита обычно не занималась физическим трудом, но, в отличие от древнегреческих аристократов, социальные верхи других древних народов Средиземноморья не демонстрировали высокомерного пренебрежительного отношения к физическому труду, а также не давали идеологического обоснования для такого отношения, как это сделали древнегреческие аристократы в рамках идеологии либерального образования. Впрочем, заметим также, что социальные верхи соседних с Грецией стран Средиземноморья не адаптировали и не практиковали либеральное образование древних греков — исключением была элита Рима¹⁷.

Не отрицая высокомерия древних аристократов, отметим, что они внесли очень значительный вклад в человеческую культуру: либеральная школа, интеллектуальная политика (частью которой была демократия), теоретическая наука, диалектическая философия — всё это начиналось как продукт аристократической культуры. Если, например, взять крупных древнегреческих философов, таких как Парменид из Элеи, Демокрит, Платон, то все они были древнегреческими аристократами.

Заключение

1. *Европейский средневековый университет был учебным заведением, имеющим новую организационную форму.* Новизна заключалась в том, что университет объединил в своем составе античную либеральную школу и средневековую ремесленную гильдию. Объединив, таким образом, общее образование и специально-профессиональное, средневековый университет показал, что он соединил обучение представителей элиты и представителей народа. *Так, впервые был запущен процесс демократизации образования.* Подобного не было в античном, греко-римском прошлом, где обучение в учебном заведении (в так называемой либеральной школе) имела только элита, а именно, древнегреческая аристократия. Либеральная школа была общеобразовательной, она не готовила к рынку труда — она готовила к образу жизни. В греко-римском мире либеральное образование, т.е. общее образование (включающее интеллектуальное образование, физическую подготовку и гражданское воспитание) и профессиональное образование (обучение ремеслу для рынка труда) были разорваны. Профессиональных

¹⁷ Из всех других древних народов Средиземноморья только элита Рима переняла образ жизни и менталитет древнегреческой аристократии — и это дает основание исследователям Античности использовать термин «греко-римский мир».

школ в Античности не было. Вследствие этого практическое обучение на рабочем месте было единственной формой профессиональной подготовки. В Средние века появились профессиональные школы, обучающие ремеслу для рынка труда. Появился университет как новая организационная форма, объединившая общеобразовательную подготовку на факультете свободных искусств и наук (где было адаптировано либеральное образование древних греков) и профессиональную подготовку на факультетах права, медицины и теологии. Поскольку подобной организационной формы до университета не было, то считается, что средневековый университет представляет собой уникальное явление европейской средневековой городской культуры.

2. Уникальность средневекового университета в том, что, во-первых, адаптировав либеральное образование как продукт древнегреческой аристократической культуры, он сохранил институциональную миссию либеральной школы, а именно – подготовку социальной элиты к занятию политикой и наукой, т.е. сложным умственным трудом, маркером которого стала такая социальная фигура, как интеллектуалы. Тем самым *средневековый университет продолжил правило древнегреческой аристократической культуры: образованность должна быть атрибутом образа жизни социальной элиты*, т.е. элита должна быть образованной, и прежде всего, интеллектуально. Интеллектуальная элита поддерживает сохранение интеллектуальной культуры в обществе. Во-вторых, средневековый университет, адаптировав либеральное образование как продукт древнегреческой аристократической культуры, *сохранил теоретическую науку как фундаментальную составляющую высшего образования и как ценность рационалистической и идеалистической культуры*. В рамках этой культуры возникла идеальная мотивация – поиск абсолютной истины. В этом поиске следует искать причину греческой любви к мудрости (к философии). В-третьих, *средневековый университет впервые провел процесс демократизации образования, объединив в одном учебном заведении обучение представителей элиты и народа*. Тем самым была представлена попытка устранить разрыв умственного и физического труда и соединить сферу ремесла и культуры, т.е. устранить социальную стратификацию на «интеллектуалов» и «ремесленников», сформировавшуюся в греко-римском мире. Данная социальная стратификация была сформирована именно на основании разрыва умственного и физического труда. Попытка оказалась сугубо формальной, а потому неудачной.

*В итоге произошел возврат к элитарности образования и, более того, профессиональное образование в средневековом университете скопировало недостатки либерального образования: 1) разрыв физического и умственного труда; 2) разрыв теории и практики. Однако положительным моментом соединения античной либеральной школы и средневековой ремесленной гильдии оказалось усвоение идеальной мотивации университетски-дипломированными врачами (они демонстрировали не только корыстную трудовую мотивацию, но и идеальную мотивацию культурного человека¹⁸). Демократизация образования в средневековом университете как попытка ликвидировать разрыв между элитой (интеллектуалами) и народом (ремесленниками), сформировавшийся в результате разрыва умственного и физического труда, не привела к успеху – и более того, проблема соединения ремесла и культуры не решена до сих пор. Вторая демократизация университетского образования, произошедшая в середине XX в., также оказалась неудачной: в сервисной модели, представленной в массовом университете, победил дух ремесленника, т.е. дух практической пользы, который в условиях капиталистической идеологии современного мира, провозгласившей ценность денег как фундаментальную ценность человеческой культуры, привел к снижению идеальной мотивации и деградации интеллектуальной политики, теоретической науки и гуманитарной культуры. Практический дух, мотивирующийся главным образом ценностью денег, разрушает человеческую культуру, развитие которой невозможно без идеальной мотивации (в науке это поиск абсолютной истины как бесконечный процесс развития научного знания, в христианстве – как любовь к Богу и к ближнему). По мнению М. Вебера и Т. Парсонса, выпускник университета – это не просто специалист, который зарабатывает, он должен быть воспитан определенным образом. *Воспитание культурного человека всегда было важной ценностью в классическом университетском образовании*. Напомним еще раз, что со времен Древней Греции интеллектуал как самостоятельная социальная фигура – это прежде всего личность определенного типа, а именно подготовленная к лидерству. Это означает, что интеллектуалы – *это люди воли, интеллекта и творчества, но также (и это не менее важно) это люди добродетели, достоинства и чести. Это люди культуры*. В-четвертых, *средневековый университет ввел механизм социальной мобильности, когда университетское образование служит доступом в элиту*. Хотя в*

¹⁸ Почему идеальные мотивы являются важной частью интеллектуального труда и творчества? Потому что интеллектуалы должны вдохновляться общечеловеческими (метафизическими) проблемами – это их долг как лидеров, это часть их работы по обеспечению лидерства. Потому что интеллектуальный труд – это не просто ремесло для заработка. Это работа творческого человека, который свое интеллектуальное превосходство (лидерство) должен рассматривать как призвание – во всяком случае, так понимал науку и политику М. Вебер в своих работах «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия» [13]. Еще один известный социолог Толкотт Парсонс (1902–1979) в работе «Профессии и социальная структура» говорит о профессионале-враче, получившем образование в классическом университете, как о человеке с альтруистической мотивацией: «Профессионалы же мыслились как стоящие над этими низкими соображениями и посвящающие свою жизнь “служению” другим людям» [34. С. 164].

современном мире это не актуально, в средневековом мире благодаря университетскому образованию можно было получить дворянское звание. Это было большим достижением, поскольку в греко-римском мире механизм социальной мобильности отсутствовал: перейти из ремесленников в интеллектуалы не смог даже знаменитый Фидий, т.к. интеллектуальное образование было атрибутом образа жизни, а не атрибутом трудовой деятельности. Введением механизма социальной мобильности благодаря университетскому образованию была зафиксирована ценность образования в средневековом мире — у представителей народа появилась мотивация учиться в университете.

3. Несмотря на уникальность средневекового университета, он имел и существенные недостатки. Так, например, объединив античную либеральную школу и средневековую ремесленную гильдию, средневековый университет продемонстрировал на практике, что данное объединение оказалось, по сути, формальным, не приведя к какому-либо успешному синтезу. Ожидалось бы, что синтезом мог бы стать такой феномен, как интеллектуальная профессия, поскольку в университете объединили интеллектуальную (общеобразовательную) и профессиональную подготовку, в результате чего могла бы появиться новая социальная фигура — интеллектуал-профессионал. Но такого синтеза не случилось. Между тем, если бы интеллектуальная профессия и интеллектуал-профессионал получили бы прописку в университете, *это позволило бы переформулировать институциональную миссию университета. Вместо институциональной миссии античной либеральной школы (подготовка образованной социальной элиты), которая фактически воспроизвелась в средневековом университете, можно было бы сформулировать институциональную миссию средневекового университета как обучение интеллектуальной профессии.*

4. Фактически в средневековом университете доминировала институциональная миссия античной либеральной школы (подготовка образованной элиты — церковной и светской). При этом научное образование и профессиональное образование не получили своего развития. По сути, они обслуживали интересы церкви, поскольку в средневековый период университеты были институцией церкви: научные исследования в средневековых университетах искали следы и замысел Бога, а профессиональное обучение состоятельных горожан для ремесла врача и юриста должно было демонстрировать демократизацию образования, указывая на единство элиты и народа. В итоге, когда светские национальные государства во Франции и Германии ослабили власть церкви, они начали реформы университетского образования. *Так, впервые в повестку была включена тема реформирования (модернизации) университетского образования.* Во Франции были созданы

так называемые французские Большие школы — это были высшие профессиональные учебные заведения, и они были эквивалентом университета. Эти школы расширили доступ в высшую школу новым профессиям (в частности, военным инженерам) и соединили практическую профессиональную подготовку с научной (теоретической): применительно к военным инженерам, соединили теоретическое образование — математику, физику, химию — с практическим обучением (инженерными технологиями). *Тем самым в высшем учебном заведении был ликвидирован разрыв теории и практики, и наука уже не обслуживала поиск замысла Бога, она начала обслуживать развитие технологий.* В Германии был создан Берлинский университет как модель исследовательского образования для развития наук и подготовки ученых. Наука, прежде всего естественная, ушла из-под опеки церкви и в лице исследовательского университета обрела собственную институцию — институцию науки. *Тем самым наука стала обслуживать собственное развитие.* Итак, профессиональное образование и научное образование отделились от средневекового университета и продолжили самостоятельное развитие — развитие технологий и науки. При этом такие новые учебные заведения, как Политехническая школа в Париже (пример высшей профессиональной школы) и Университет Гумбольдта в Берлине (пример исследовательского университета), взяли от средневекового университета, во-первых, элитарный характер обучения и, во-вторых, *сохранение теоретической науки как фундаментальной составляющей высшего образования.*

5. Средневековый университет как новая организационная форма, которая объединила античную либеральную школу и средневековую ремесленную гильдию, запустил процесс демократизации образования, стремясь преодолеть разрыв элиты и народа (разрыв умственного и физического труда). Однако демократизация была формальной, поскольку в средневековом университете доминировала идеология либерального образования, что спровоцировало возврат к элитарности образования. *Логика развития университетского образования, подчиненная влиянию духа древнегреческой аристократической культуры, привела к тому, что профессиональное образование в университете было второстепенным делом.* При этом, во-первых, в средневековый университет было допущено только профессиональное образование врачей и юристов, т.к. это были ученые ремесла, т.е. умственный труд, который ценился в греко-римском мире; во-вторых, в университет не было допущено профессиональное образование инженеров, поскольку занятие техникой было связано с ручным трудом и презиралось, и в-третьих, в профессиональном образовании были скопированы как недостатки либерального образования (разрыв умственного и физического труда и

разрыв теории и практики), так и его достоинства (культивирование в человеке идеальной мотивации).

Идеальная (идеалистическая) мотивация, возникшая в Древней Греции в рамках аристократической культуры, является большой ценностью в человеческой культуре. Она связана с поиском истины, созданием красоты и служением добру (быть добродетельным). Эта мотивация выражалась в стремлении к славе, что было органично для представителей древнегреческой воинской аристократии, которые, в подражание Гомеровскому Ахиллу, хотели стать героями и тем самым прославиться. Со временем желание прославиться охватило многие слои греческого общества, но немногие греки имели таланты для этого — общеизвестна история Герострата, который поджег храм, чтобы прославиться. Идеальная мотивация присутствовала в политике, философии, науке, искусстве и в системе морали (жреческой или светской).

Литература

1. Цит. по: Философия, реферативный журнал. Серия 3 / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, 1997. С. 135–139. [Hamlyn, D.W. The concept of a university. *Philosophy* – Cambridge, N.Y. 1996. Vol. 71. No. 276. Pp. 205–218.]
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Кессиди Ф.Х. Об одной особенности менталитета древних греков // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 137–145.
4. Ньюмен, Дж.Г. Идея университета / пер. с англ. С.Б. Бенедиктова; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006. 208 с.
5. Гофф Жак Ле. Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А.М. Руткевича. 2-е изд. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. 160 с.
6. Kostiukevich S.V. University studies as training for the intellectual professions // *Higher Education in Europe*. 1996. Vol. XXI. No. 2-3, Pp. 203–213.
7. Парацельс [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81> (дата обращения: 03.03.2025).
8. Межуев В.М., Зиновьев А.А. Диалог об образовании. Из выступлений на заседаниях Русского интеллектуального клуба и научной конференции в МосГУ // Научно-философские диалоги. 2004. № 1. С. 25–42.
9. Хюсен Т. Идея университета: эволюция функции, проблемы // *Перспективы: вопросы образования*. 1992. № 3. С. 23–40.
10. Альтбах Ф.Дж. Модели развития высшего образования в преддверии 2000 г. // *Перспективы: вопросы образования*. 1992. № 3. С. 40–58.
11. Hans de Wit. Three models of higher Education [Электронный ресурс]. URL: https://www.rlcu.org.ar/recursos/E_0000032_003_EUROPE-ANHIGHEREDUCATION.pdf (дата обращения: 02.07.2024).
12. Боннар А. Греция: цивилизация. От Еврипида до Александрии. М.: Искусство, 1991. Т. 3. 148 с.
13. Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во Московского университета, 1979. 462 с.
14. Парсонс Т. Профессии и социальная структура / пер. с англ. В.Г. Николаева [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2015-04-015-parsons-t-professii-i-sotsialnaya-struktura-perevod-s-angl-parsons-t-the-professions-and-social-structure-parsons-t-essays-in> (дата обращения: 29.03.2023).

Снижение идеальной мотивации в таких областях человеческой культуры, как наука, искусство, мораль, приводит к их застою (всё меньше великих открытий, всё меньше гениальных произведений, всё меньше святых и высокоморальных людей). Если люди перестанут вдохновляться идеальной мотивацией, история людей закончится (они могут сохраниться как биологический вид, но культура людей деградирует). Чтобы этого не случилось, элита должна поддерживать идеальную мотивацию в своей среде, поскольку простой народ, вынужденный обеспечивать себе проживание, не имеет свободного времени на разработку идей и не склонен к идеальной мотивации.

Задача элиты (людей состоятельных и имеющих свободное время) — поддерживать высокие формы человеческой культуры и обеспечивать лидерство, в том числе и в области идей. Присутствие в обществе хорошо образованной и ответственной элиты, члены которой могут вдохновляться идеальной мотивацией, помогает защитить общество от ложных идей и ложных идеологий.

References

1. Cited in: *Philosophy, Abstract Journal. Series 3 / Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, Moscow, 1997. Pp. 135–139.* [Hamlyn, D.W. The concept of a university. *Philosophy* – Cambridge, N.Y. 1996. Vol. 71. No. 276. Pp. 205–218.]
2. Weber, M. Selected Works: transl. from German. Y.N. Davydov; Preface by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
3. Cassidy, F.H. About one peculiarity of the Ancient Greeks' mentality. *Voprosy filosofii*. 1996. No. 2. Pp. 137–145.
4. Newman, J.H. The idea of the university / translated from English by S.B. Benediktov; ed. by M.A. Gusakovskiy. Minsk: BSU, 2006. 208 p.
5. Le Goff, Jacques. Intellectuals in the Middle Ages / transl. from Fr. A.M. Rutkevich. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2003. 160 p.
6. Kostiukevich, S.V. University studies as training for the intellectual professions. *Higher Education in Europe*. 1996. Vol. XXI. No. 2-3. Pp. 203–213.
7. Paracelsus [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81> (accessed on: 03.03.2025).
8. Mezhuiev, V.M., Zinoviev, A.A. Dialogue about education. From speeches at the meetings of the Russian Intellectual Club and scientific conference in MosSU. *Scientific and Philosophical Dialogues*. 2004. No. 1. Pp. 25–42.
9. Husén, T. The idea of the university: evolution of function, problems. *Perspectives: educational issues*. 1992. No. 3. Pp. 23–40.
10. Altbach, P.G. Models of Higher Education Development on the threshold of the year 2000. *Prospects: Educational Issues*. 1992. No. 3. P. 40–58.
11. Hans de Wit. Three models of higher education [Electronic resource]. URL: https://www.rlcu.org.ar/recursos/E_0000032_003_EUROPE-ANHIGHEREDUCATION.pdf (accessed on: 02.07.2024).
12. Bonnard, A. Greek Civilization. From Euripides to Alexandria. Moscow: Iskusstvo, 1991. Vol. 3. 148 p.
13. Fedorova, E.V. Imperial Rome in Persons. Moscow: Moscow University Press, 1979. 462 c.
14. Parsons, T. Professions and Social Structure / per. from Engl. V.G. Nikolaev [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2015-04-015-parsons-t-professii-i-sotsialnaya-struktura-perevod-s-angl-parsons-t-the-professions-and-social-structure-parsons-t-essays-in> (accessed on: 29.03.2023).

Статья поступила: 21.03.2025

Принята к печати: 22.05.2025